

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чех)6
Т58

Перевод с чешского языка С. Скорвида
Оформление обложки М. Заикиной

ISBN 978-5-906999-24-5

© Jáchym Topol, 2009
© ИД «Книжники», 2019
© С. Скорвид, перевод, 2019
© М. Заикина, оформление, 2019

на реке чувств
и на откосе бесчувствия
жестяное солнце
создает колонию страха
П. З., группа Dg 307¹

Эй, на мне чужие шрамы, откуда они взялись?
Дорота Масловска²

¹ Павел Зайичек (р. 1951) — чешский поэт и музыкант, основатель андеграундной группы Dg 307 (1973). Названием группы стал шифр психиатрического диагноза «Временные психические расстройства — ситуационный невроз», позволявшего юношам избежать службы в Чехословацкой народной армии. — *Здесь и далее примеч. пер., если не оговорено иное.*

² Современная польская писательница, романист и драматург (р. 1983). Эпиграф взят из ее интервью 2009 г., помещенного на портале iliteratura.cz.

1.

Я мотаю в Прагу, на самолет. Ну как мотаю — тащусь по обочине, слегка окутанный туманом дурмана, потому что пью.

В последнее время мы со студентами терезинского «Комениума» много пили.

И вот я иду вдоль дороги, а частенько и пробираюсь по кювету, чтобы меня не увидели патрульные из машины дорожной полиции.

Не хочу, чтобы меня замели и стали задавать вопросы про пожар в Терезине.

Иной раз бросаюсь в этот кювет и скрючиваюсь там, вжимаясь спиной в глину, иначе мне не поместиться.

Так потихоньку я продвигаюсь к Праге, чтобы попасть на самолет.

В бутылке еще кое-что осталось — это вино от Сары. Мясо, которое мне дали в дорогу, уже съедено.

Мне не хотелось его есть, долго не хотелось, но потом я заставил себя, ведь силы мне не помешают.

Луна уже почти полная.

Терезинские валы из красного кирпича давно остались позади — все эти стены моего родного города...

Города, который, как говорил мне отец, основала императрица Мария Терезия. С той поры по нему прошагали сотни тысяч солдат многих армий; императрица Мария Терезия любила военные парады, говорил мой папа — майор, военный капельмейстер, просто обожавший терезинские парады с оркестром.

Теперь этот город у меня давно за спиной, позади остались все эти огромные здания времен Марии Терезии и Иосифа II, склады под миллионы единиц боеприпасов, конюшни для сотен лошадей, казармы на десятки тысяч вояк; я ухожу, как ушли все защитники этого города, который строился ради армии... приток солдат в город, построенный для солдат, прекратился.

А город без армии разрушается.

Моих коз, которые выедали траву с крепостных стен, продали.

Большинство из них.

Отец до этого не дожил.

Я — один из тех, кто хотел спасти Терезин.

Моя матушка говорила, что я появился на свет, когда они с папой меня уже и не ждали; при этом она часто повторяла, как ей хотелось бы, чтобы я остался совсем маленьким и в случае нужды мог спрятаться в наперстке. Я питался бы горошинами, дрался с кошкой за каплю молока, ходил, обернув бедра маленькой тряпочкой, — короче, был бы мамин Мальчик-с-Пальчик.

Поначалу мне это было приятно, что тут скрывать.

Но никуда не денешься — я рос, как все дети.

И меня уже не радовало, когда отец с дирижерской палочкой в красном футляре, расшитом миниатюрными изображениями желтых серпиков и молоточков,

уходил на работу, а матушка принималась закладывать окна и двери подушками и одеялами.

Раньше, говорят, я хлопал в ладоши, когда мама отодвигала от стен мебель.

Между всеми этими шкафами и шкафчиками, буфетами, перевернутыми стульями, креслами и парадным диваном она создавала надежное убежище, гнездышко для нас двоих.

Мне нравилось, когда в этом теплом гнездышке мы с матушкой прижимались друг к другу и сидели там, обнявшись, пока отец, вернувшись после работы, не вытаскивал нас из безопасного укрытия.

Окружающий мир был огромным, и матушка пряталась от него.

Как только стало возможно, я начал от нее удирать.

Смутно вспоминаю, как это произошло в первый раз: однажды я вырвался, выскользнул из ее надушенных объятий, оттолкнул ее протянутые ко мне руки, протиснулся под диваном, перелез через кресло, хлопнул, подпрыгнув, по ручке двери, открыл ее — и вылетел наружу.

Там я вместе с другими ребятами гонял как сумасшедший туда-сюда по крепостным стенам, кидался в траву, вскакивал и мчался дальше.

И, конечно, Лебо! Его мы все знали, в Терезине иначе и быть не могло.

Кроме того, дело было отчасти и в моей матушке...

Лебо единственный с ней дружил. Ну, не то чтобы дружил, но цветы ей носил.

И еще тетушки о моей маме немного заботились.

Она совсем не выходила из дому.

Но всегда могла рассчитывать на то, что в Международный женский день или в годовщину освобождения страны Красной армией Лебо принесет ей огромную охапку полевых цветов, собранных где-то далеко под крепостными стенами, там, куда не доходили мои козы,

или тайком вручит ей запорошенный красной пылью букет в День матери — праздник, который при коммунистах не отмечали; дядя Лебо всегда дарил маме цветы, а тетушки улыбались.

Когда-то Лебо будто бы даже обменивался с матушкой парой слов, но я этого не помню.

А помню, наоборот, что мама в последние годы уже почти совсем не разговаривала.

Она все время хотела лишь одного — сжаться, чтобы занимать поменьше пространства, найти себе такое местечко, где можно было только дышать, — этого ей хватало.

Дядю Лебо знали в Терезине все дети.

Сначала мы думали, что Лебо его зовут потому, что у него такой вытянутый череп и высокий лоб, — мы считали, что по-настоящему он дядя Лобо, но это было не так, а объяснила мне все тетя Фридрихова, которая девочкой прятала маленького, едва родившегося Лебо в коробке от ботинок у себя под нарами, поскольку ее место было в самом углу камеры для осужденных женщин и девушек, и имя Лебо, рассказала она, появилось так. Старшей в их камере была словачка, по воле случая баба-повитуха, и вот, приняв тайком в камере роды, она якобы произнесла вслух — хоть и шепотом — то, что думали про себя все женщины: чтоб молчал, либо мы его задушим, так выразилась повитуха, и сказанное ею со словацким выговором «либо» стало именем Лебо.

Рожать и прятать новорожденных в камере запрещалось, но женщины надеялись, что Красная армия семимильными шагами спешит в Терезин, и они не ошибались.

При самих родах ни тетя Фридрихова, ни другие мои тетушки не присутствовали, тайными родами руководили более опытные пожилые женщины, которых уже нет в живых, и я жалел, что мои тетушки были тогда